УДК 94(47).084.3

Полянский Михаил Васильевич – канд. экон. наук, доцент, начальник Хабаровского пограничного института ФСБ Российской Федерации (г. Хабаровск). *E-mail: boss.buttery@mail.ru*

М.В. Полянский
M.V. Polyanskiy

Охрана и оборона границ Советской республики в 1917 – 1918 гг.: трудности становления

В статье рассматриваются вопросы формирования пограничной охраны Советской республики после Октябрьской революции. В 1917 г. Отдельный корпус пограничной стражи прекратил свое существование. Создание системы управления охраной государственной границы требовало решений в новых политических, экономических и социальных условиях. Высшим руководством РСФСР был определен путь, учитывающий как новые подходы в организации защиты и охраны границы, так и опыт предшествующих поколений. Сложившиеся обстоятельства послужили основанием для смещения приоритета в охране государственной границы Советской России с экономического на политический. Централизация управления, повышение требовательности и личной ответственности руководителей способствовали установлению порядка на границе. Отражены проблемы, связанные с межведомственной разобщенностью органов власти, а также раскрыты идеи по ее преодолению.

Protection and defense of the borders of the Soviet republic in 1917 – 1918: difficulties of formation

In this article the questions of formation of boundary protection of the Soviet republic after the October revolution are considered. In 1917 the separate division of the boundary guards stopped its existence. Creation of the control system of protection of the frontier demanded decisions under the new political, economic and social conditions. The top management of RSFSR determined the way considering as new approaches in the organizations of defense and protection of the border, and the experience of previous generations. The developed circumstances formed the basis for a shift of a priority in protection of the frontier of the Soviet Russia from economic to the political. Centralization of the management, increase of the insistence and personal responsibility of the heads promoted establishment of an order on the border. The problems connected with interdepartmental dissociation of the authorities are reflected and also the ideas on its overcoming are given.

Keywords: *frontier, boundary protection, Soviet republic, national commissariat, command structure, border service.*

Ключевые слова: *государственная граница, пограничная охрана, Советская республика, народный комиссариат, командный состав, пограничная служба.*

В 1918 – 1922 гг. не существовало четко выраженной и юридически оформленной в современном понимании советской концепции охраны государственной границы. Можно лишь предположить, что в исследуемый период под советской концепцией охраны государственной границы могла пониматься совокупность разрозненных по месту, времени и объему официальных документов партийно-советских органов, высказываний, речей и публикуемых полемических статей в прессе представителей высшего и среднего советского военно-политического (пограничного) руководства по вопросам обеспечения безопасности государства в пограничной сфере (вопросах охраны государственной границы). Стоит отметить особо, что сразу же после Октябрьской революции существовали два стратегических подхода к охране государственной границы: понимание необходимости ее охраны и полный отказ от ее охраны, вплоть до радикальных форм. К счастью, победили сторонники первого подхода, который (с некоторыми оговорками) можно представить и сформулировать как своего рода концепцию.

В отечественной историографии сложилось неверное мнение, что до создания в марте 1918 г. Главного управления пограничной охраны (далее – ГУПО) охрана государственной границы осуществлялась силами Отдельного пограничного корпуса. Еще одно заблуждение заключается в том, что пограничные части и отдельные пограничники чуть ли не автоматически перешли в новую советскую пограничную структуру.

Чтобы окончательно развеять эти ошибочные утверждения, следует обратиться к неизвестному (до настоящего времени) широкой публике Документу – письму руководителя пограничной охраны заместителю Народного комиссара финансов Д.П. Боголепову от 24 октября 1918 г.: «… Главное управление пограничной охраны сообщает, что представить отчет о деятельности пограничной стражи за период с 27 февраля по 25 октября 1917 г. нельзя, т. к. в это время части, входившие ранее в состав Отдельного пограничного корпуса, в соответствии с Положением о мобилизации пограничных частей, были переданы в Военное ведомство и существовали в действующей армии в виде пеших и конных частей, неподведомственных Штабу корпуса» [1].

Период с 25 октября 1917 г. по 18 июня 1918 г. – время организации пограничной охраны на новых началах, указанных в Декрете СНК об учреждении пограничной охраны, опубликованном 14 июня 1918 г. и напечатанном в Известиях ВЦИК от 18 июня 1918 г. за №123 (387).

За это время были сформированы Главное управление, действовавшее в г. Москве, и Управление 1-го округа – в г. Петрограде.

Высшее руководство пограничной охраны на всех границах республики принадлежало Народному комиссариату по делам финансов. Работы по

организации пограничной охраны получили утверждение народного комиссара по делам финансов 15 мая 1918 г. Были разработаны штаты ГУПО, управлений на русско-германской границе, а также в Средней Азии.

В конце мая приступили к формированию 2-го округа (г. Витебск). Так же было начато формирование временной вольнонаемной охраны из частей бывших Амударьинской и Закаспийской бригад в Средней Азии по линии гг. Красноводск, Ашхабад, Кушка, Керки, Термез, Сарай.

Комплектование частей пограничной охраны лицами по вольному найму велось комиссиями, образованными распоряжением комиссара пограничной охраны, с участием технических сил по назначению Главным управлением. По границе Сибири предлагалось сформировать также пограничную охрану, однако, вследствие военных событий вопрос этот остался открытым.

Таким образом, упомянутое выше письмо свидетельствует о том, что с момента Октябрьской революции и до конца июня 1918 г. в стране существовал только лишь орган управления пограничной охраной без подчиненных ему каких-либо войск. Начало формирования реальных пограничных сил Советской республики в составе Народного комиссариата торговли и промышленности (далее – НКТиП) и начало охраны ими государственной границы можно отнести к периоду не ранее конца июня – начала июля 1918 г. С этого времени начался необратимый процесс создания и совершенствования советской пограничной охраны (пограничных войск).

В процитированном письме усматривается некое лукавство: в нем отмечено, что период организации советской пограничной охраны начался в день революции, 25 октября 1917 г., а Декрет об ее организации был, как известно, подписан председателем Совета народных комиссаров РСФСР В.И. Лениным 28 мая 1918 г., а опубликован только лишь14 июня 1918 г. [2].

Здесь вызывают интерес два момента: или вопрос организации охраны государственной границы долгое время оставался второ- и третьестепенным, а потому долго дискутировался в различных советских инстанциях, или это была непреднамеренная описка, допущенная тогдашними руководителями пограничного ведомства, свидетельствующая об огромном дефиците организаторского опыта у комиссарского состава и неспособности организовать работу в новых условиях у военных специалистов.

Это косвенно подтверждается и вскоре последовавшими перестановками в высшем руководстве пограничной охраны, которые иначе как поиском и наказанием «стрелочника» не назвать.

Протокол собрания служащих ГУПО от 11 июля 1918 г. свидетельствует, что «… тяжелые и ненормальные условия службы в ГУПО побудили избрать делегацию к наркому (С.Г. Шамшев, В.А. Розанов, Г.И. Чернецкий), главной задачей которой являлось выяснить на основании каких и чьих распоряжений Г.Г. Мокасей-Шибинский управляет пограничной охраной» [3].

Еще 5 марта 1917 г. были удалены из Штаба корпуса Пыхачев, начальник штаба генерал-лейтенант Кононов и семь офицеров. Генералы ушли в отставку, а офицеры были переведены в Военное ведомство.

Уходя в отставку, бывший командир корпуса отдал 6 марта 1917 г. Приказ по ОПК: «… Заболел сего числа, служебные обязанности нести не могу. Временное командование корпусом возлагаю на помощника командира корпуса генерал-лейтенанта Мокасей-Шибинского» [4]. Во временное командование Мокасей-Шибинский вступил как один из опытнейших, оставшихся после переворота военнослужащих управления. В тот же день назначение было продублировано министром финансов М.И. Терещенко.

Мокасей-Шибинский временно исполняющим обязанности был до 4 апреля 1918 г. В это время управление и штаб ОПК были переименованы в ГУПО, следовательно, на должность начальника ГУПО он перешел механически. Никаких актов советской власти по этому поводу не издавалось. Поскольку Мокасей-Шибинский использовал дореволюционные методы управления, то Комитет служащих требовал, чтобы кадровые назначения согласовывались, но он противился этому.

В августе 1918 г. Высшая аттестационная комиссия признала Г.Г. Мокасей-Шибинского фактически неблагонадежным, и его 6 сентября 1918 г. (Циркуляр по Наркомату торговли и промышленности №А-451) освободили от должности начальника ГУПО, назначив консультантом по пограничной охране при Наркоме торговли и промышленности. Временно исполняющим обязанности начальника ГУПО был назначен заведующий отделением пограничного и корчемного надзора С.Г. Шамшев [5].

Отстранение Г.Г. Мокасей-Шибинского от руководства ГУПО произошло по инициативе военных комиссаров П.Ф. Федотова и В.Д. Фролова.

В письме, адресованном наркому, комиссары П.Ф. Федотов и В.Д. Фролов отмечали: «… До нашего назначения на должности комиссаров ГУПО точного распределения работ по организации пограничной охраны между служащими Главного управления начальником (Г.Г. Мокасей-Шибинским) произведено не было. Точнее сказать, само ГУПО было найдено в неорганизованном виде благодаря непринятию начальником управления надлежащих и настойчивых мер к скорейшей эвакуации из г. Петрограда в г. Москву как служащих управления, так и необходимого имущества, а равно к скорейшему проведению новых штатов управления… Основной штат оказался несоответствующим по своему составу потребностям формируемой пограничной охраны и тормозил укомплектование ГУПО потребным составом служащих. Вплоть до нашего назначения дело в управлении совсем не было налажено, что и доказывается тем, что только в августе 1918 г. установлено временное расписание должностей. Фролов. Федотов» [6].

Другими словами, эвакуация ГУПО из г. Петрограда в г. Москву началась в марте, а закончилась через полгода – в конце августа.

Эти примеры иллюстрируют довольно сложную процедуру отстранения от должности высокопоставленного сотрудника пограничной охраны. Обращают на себя внимание сочетание высшей степени демократизма (учет мнения коллектива), привлечение к решению вопроса различных инстанций (Высшей аттестационной комиссии, Бюро военных комиссаров, Наркомата по военным делам и Наркомата торговли и промышленности), а также партийной

инициативы и контроля со стороны военных комиссаров П.Ф. Федотова и В.Д. Фролова.

Еще в период между Февральской и Октябрьской революциями у Г.Г. Мокасей-Шибинского был ряд конфликтных ситуаций со служащими управления Отдельного пограничного корпуса и Комитетом служащих Корпуса. При эвакуации ГУПО из г. Петрограда в г. Москву в марте 1918 г. не все лица из числа руководящего состава Главного управления прибыли в новую столицу. Всем этим лицам начальником ГУПО (Г.Г. Мокасей-Шибинским) было разрешено под разными благовидными предлогами не приезжать. К этой категории, например, можно отнести помощника начальника Главного управления Г.Г. Попова, управляющего счетным отделением Кубицкого, санитарного инспектора Гурьева, начальника строительного отделения Каростыгина [7].

Уже после отставки с поста руководителя ГУПО, в середине ноября 1918 г., на квартиру Г.Г. Мокасей-Шибинского пришли с обыском. Не обнаружив у него дома ничего противозаконного, лица, производившие обыск, изъяли у Г.Г. Мокасей-Шибинского царские ордена, медали и три бутылки вина. В письме на имя управляющего делами Народного комиссариата торговли и промышленности Григорий Григорьевич, ссылаясь на плохое финансовое положение семьи, униженно просил вернуть ему ордена или компенсировать их стоимость в денежном эквиваленте, что составляло примерно 1500 руб. [8].

После окончательного увольнения из Наркомата личное дело Григория Григорьевича было направлено в адрес Народного комиссариата по военным делам. Дальнейшая судьба этого человека неизвестна.

Отставка Г.Г. Мокасей-Шибинского явилась следствием преобразований, захлестнувших в то время российское общество. Так, например, 6 декабря 1917 г. была опубликована телеграмма Военно-революционного комитета при Ставке от 30 ноября 1917 г. за подписью Боярского (председателя) и Полукарова (секретаря). Телеграмма, адресованная ВЦИК, содержала Проект наказа о демократизации армии, который заключался в следующем:

- «… вся полнота власти в пределах воинской части принадлежит соответствующему солдатскому комитету.
- Оперативно-боевая часть, дело снабжения, санитарная часть и другие остаются в ведении прежних органов под контролем комитетов и комиссаров, с согласия которых отдаются распоряжения и приказы этих органов.
- Офицерские и классные чины, звания и ордена упраздняются, и впредь выдача орденов не разрешается. Ношение орденов отменяется, кроме Георгиевских крестов и медалей чинов, кои носить разрешается.
- Ношение погон отменяется.
- Лица командного состава при исполнении служебных обязанностей носят повязку на рукаве с соответствующей надписью, например, командир такого-то полка.
- Вводится выборность командного состава и должностных лиц, командиров до полкового включительно. Командиры выше полка, до

Верховного главнокомандующего включительно, избираются соответствующими съездами или совещаниями при соответствующих комитетах.

- Отстраненные лица чиновничьего и командного состава, либо оставшиеся неизбранными, приравниваются по своему правовому положению к остальным солдатам революционной армии.
- Резерв чинов упраздняется» [9].

Однако следует отметить, что в послереволюционное время демократические процессы в Вооруженных силах и Пограничной охране РСФСР были непродолжительны. Начавшаяся Гражданская война и демократия, особенно в армии, оказались несовместимы, поскольку подобные подходы самым негативным образом повлияли на процесс формирования Красной армии и Пограничной охраны РСФСР. Приказом РВС №215 от 7 ноября 1918 г., который был объявлен по ГУПО Приказом №27 от 31 марта 1919 г., предписывалось, что «… выборное начало при назначении на командные должности как противоречащее существующим нормам вредно сказывается на формировании армии, не должно иметь места» [10]. Неслучайно на VIII съезде РКП (б) был дан отпор так называемой «военной оппозиции», которая защищала выборное начало при организации РККА.

Но до этого целый год прошел под лозунгом демократизации Красной армии и пограничной охраны (что само по себе абсурдно). Те годы в советской литературе характеризовались как «партизанщина». Не обошло это тревожное явление и части пограничной охраны на местах.

История пограничной службы этого периода богата примерами противостояния командного, комиссарского и рядового составов, случаями массового неповиновения и самосудов, нарушения элементарных норм поведения и субординации. В одном из документов ГУПО обстановка на границе в 1918 г. характеризовалась следующим образом: «… Бывшая пограничная охрана с окончанием войны, вследствие полной демобилизации, оказалась несуществующей. Отсутствие специальных частей пограничной охраны на демаркационной линии создало тяжелую обстановку насилий и грабежей, носившую самый грустный и невероятный характер» [11].

Часто граница носила условный, виртуальный характер: из Доклада начальнику 3-го пограничного округа Е.Г. Медведеву от начальника района Тихомирова явствовало, что «… украинские партизаны заняли посты на нашей территории. Наших пограничников не пропускают, препятствуют несению службы» [12]. В возникновении подобных ситуаций были виновны лица, не имеющие никакого отношения к советской пограничной охране. Но присутствовало и много субъективных обстоятельств, которые усугубляли и без того непростую обстановку на государственной границе, в инициировании которых были задействованы сами пограничники или другие представители советской власти на местах.

Так, осенью 1918 г. руководство 1-го пограничного округа информировало Центр о том, что «… на пленарном заседании Онежского исполкома вынесено Постановление расформировать Онежскую дистанцию

Беломорского района с заменой ее Красной армией; начальник Онежской дистанции тов. Роман арестован исполкомом. Причины расформирования дистанции и ареста тов. Романа неизвестны. Дознание округом проводится» [13].

В то же время, в среде самих пограничников и красноармейцев находились люди далекие от идеала грозного и неподкупного стража границы. Например, в своем заявлении от 19 октября 1918 г. в адрес начальника одного из пограничных районов 3-го пограничного округа каменщик С.Е. Терехин написал: «… Пришлось пройти шесть заградительных отрядов (Красной армии) на одной дороге, и каждый из отрядов считал своей обязанностью что-либо взять. В конце концов, наша артель прибыла в Брянск без всего. А обозы с контрабандой сопровождаются красноармейцами. За нее платится немецким патрулям по 5 руб. с пуда, а унечским властям – по 8 руб. с пуда. Даже у «соглашателей» украинских дело поставлено куда лучше» [14].

Неразбериха, сумятица и беззаконие, охватившие целые приграничные районы, усиливались межведомственными трениями, часто приобретавшими характер межличностных конфликтов. Различные советские чиновники пытались руководить структурами, которые не входили в их компетенцию.

Например, как следует из донесения начальника 1-го пограничного округа в ГУПО, в октябре 1918 г. председатель Себежской коллегии о беженцах Хилинский постоянно вмешивался в деятельность пограничной охраны, позволял себе отдавать приказания часовым пограничной охраны и даже начальнику подрайона. Хилинский вмешивался также в деятельность Таможенного надзора и начальника железнодорожной станции. Однако, по отзывам начальника Себежского гарнизона, пограничники упомянутой заставы (на станции Себеж) являли собой пример корректности, дисциплинированности и отличного выполнения своих обязанностей [15].

Профессионализм и дисциплинированность были основными качествами, которые ценились при приеме на службу в пограничную охрану. В одном из циркуляров ГУПО в пограничные округа осенью 1918 г. отмечалось: «… К охране границ должны привлекаться вполне обученные и дисциплинированные части. Этого требуют самые существенные интересы республики как с целью ограждения страны от подхода полевых войск, от всяких возможных случайностей военного характера, так и, в особенности, для избегания пограничных инцидентов, часто очень чреватых политическими последствиями. Дело пограничного надзора сложное и слишком отличное от войсковых обязанностей. Малодисциплинированные части больше обучаются, чем служат, исполнять пограничного надзора не могут и вызывают только нескончаемый ряд недоразумений с соседями, которые чрезвычайно щепетильны к нарушениям правил пограничной жизни и их территорий» [16].

Уже в этом циркуляре чувствуются нотки обеспокоенности руководства пограничного ведомства ситуацией на границе и смещения акцента при охране государственной границы с экономического на политический, который стал приоритетным в 20-е гг. XX столетия. Так, например, в письме заместителя народного комиссара торговли и промышленности Бронского народному

комиссару по военным делам от 4 октября 1918 г. дана нелицеприятная характеристика действий органов советской власти на границе с Украиной (на участке 3-го пограничного округа) как «позорящая Советскую республику деятельность ответственных органов … и о пособлении нечестным элементам некоторых представителей местных властей в пограничной полосе». Для наведения элементарного порядка в приграничной полосе была создана межведомственная комиссия с широкими полномочиями, в которую представителем от НКТиП был делегирован комиссар Н.К. Будковский [17].

В письме содержалась также мысль о борьбе с местничеством по преодолению межведомственной разобщенности на границе. В нем подчеркивалось, что пограничную политику должна определять центральная власть, а местная должна действовать в рамках этой политики. Межведомственной комиссии было предоставлено право привлекать к дисциплинарной ответственности и суду военного трибунала всех виновных, невзирая на лица.

Репрессивные меры не были единственным способом наведения порядка на границе. Так, из донесения начальника 1-й пограничной дивизии от 8 апреля 1919 г. видно, что стрелок 2-го взвода 7-й роты 3-го пограничного полка Дмитрий Матвеев, отклонив предложенную ему взятку, задержал бывшего начальника 15-й дистанции Киселева; стрелок же Дмитрий Медведев способствовал Матвееву в задержании Киселева. Отмечая столь похвальные действия, являющиеся ярким примером сознательного и неподкупно-честного отношения к своим обязанностям и преданности революционному долгу, Военный совет пограничных войск постановил: объявить стрелкам Матвееву и Медведеву благодарность, о чем было предписано прочесть во всех ротах, эскадронах и командах [18].

Наряду с индивидуальными, практиковались и коллективные поощрения. Например, Приказом по пограничным войскам №39 от 17 мая 1919 г. была объявлена благодарность 12-му стрелковому пограничному полку (3-я пограничная дивизия): « 12-й стрелковый пограничный полк был отправлен в район гг. Фастов – Белая Церковь и ст. Мотовилиха для очищения этого района от петлюровских банд атамана Гончара. Задачу полк выполнил блестяще.

При занятии ст. Мотовилиха небольшая часть полка, при поддержке бронепоезда, вела ожесточенный бой с превосходящими силами бандитов в течение трех часов; в результате противник был разбит, и в наших руках остались 10 пулеметов. От лица службы объявляю сердечную благодарность командиру полка, комиссару, командному составу и всем стрелкам-пограничникам за их самоотверженную и сознательную работу на пользу Советской республике» [19].

Особо подчеркивается, что причиной проблем в охране границы и низкого уровня дисциплины являлась не только пресловутая «партизанщина», но и слабая управленческая деятельность командного состава. Отсутствие отчетностей и неполнота их указывают на весьма халатное, граничащее с преступностью, отношение к делу как со стороны начальника округа, так и прочих сотрудников.

Большинство начальствующих лиц служило в прежнее время в пограничной страже или в Военном ведомстве, почему, без сомнения, им известны те или иные отчетности.

Таким образом, изменившаяся обстановка и подходы к охране государственной границы, разбалансировка системы охраны государственной границы вынуждали советское руководство форсировать формирование и комплектование Пограничной охраны РСФСР на новых основах. Беззаконие и анархия охватили целые приграничные районы. Межведомственная разобщенность органов власти и силовых структур на местах усиливали межведомственные трения, вносили неразбериху и сумятицу в вопросы управления охраной государственной границы, не способствовали установлению элементарного порядка на границе.

Управленческая деятельность командного состава пограничной охраны на местах отличалась слабостью и неадекватностью, поэтому неудивительно, что изначальными требованиями к пограничникам стали дисциплинированность и профессионализм. Начавшаяся Гражданская война, экономическая и политическая изоляция Советской России уже в 1918 г. послужили основанием для смещения приоритета в охране государственной границы с экономического на политический. Средствами достижения этого стали: централизация вопросов охраны государственной границы, повышение требовательности и личной ответственности руководителей на всех уровнях пограничного управления.

Таким образом, необходимо отметить, что в истории отечественной пограничной службы 1917 г., как и для всей страны, стал переломным годом:

- была разрушена система царского государственного управления, включая государственную систему управления охраной государственной границы. Созданная на рубеже веков пограничная стража – ОКПС – в 1917 г. фактически прекратила свое существование. Попытки ее реанимации с марта 1917 г. до марта 1918 г. успехом не увенчались. Требовалось принятие кардинальных решений в новых политических, экономических и социальных условиях;

- перед высшим военно-политическим руководством РСФСР в плане организации защиты и охраны границ встал выбор: выработать и реализовать кардинально новые подходы или использовать опыт предшествующих поколений. Был избран путь максимальной конвергенции этих двух противоположных подходов;

- ввиду массового притока военных специалистов на руководящие и командные должности в пограничной охране и неспособности вновь рекрутируемых пограничников мгновенно стать профессионалами в деле охраны границы основные подходы к охране границы были сохранены;

- по-прежнему служба по охране границы подразделялась на разведывательную и сторожевую, которая (вплоть до начала 1920-х гг.) регламентировалась дореволюционными уставами и инструкциями. Пограничников изначально планировалось использовать как

специализированную, а не военную силу на границе, что было закреплено в ряде документов того времени и в документах международного характера.

Следует также подчеркнуть, что трансформация ОКПС в Пограничную охрану РСФСР была обусловлена рядом политических, экономических, социальных и духовных факторов, среди которых необходимо выделить смену социально-политического строя, экономическую разруху, Гражданскую войну, политическую и экономическую изоляцию страны, смену нравственных ориентиров, раскол общества. В конкретных ситуациях указанные факторы оценивались по-разному. Но, безусловно, определяющими были политические факторы.

Новые подходы, при сохранении определенной преемственности государственной власти и приоритета центральной власти в вопросах защиты и охраны государственной границы, выразились в следующем: во-первых, произошел переход от неприятия охраны государственной границы к пониманию восстановления ее охраны, прежде всего, в экономическом аспекте; во-вторых, изменился социальный состав, прежде всего, командно-начальствующий; в-третьих, к организации и функционированию пограничной охраны стали привлекаться военные специалисты, имеющие опыт службы в ОКПС (ОПК) и Русской армии; в-четвертых, усилилось партийное влияние и контроль в пограничной охране; в-пятых, укрепилась договорно-правовая работа и прилагались дипломатические усилия по отношению к сопредельным государствам.

Другим важным фактором, определившим вектор развития пограничной охраны, стало заключение Брест-Литовского мирного договора, в соответствии с которым РСФСР обязалась не держать на пограничных линиях никаких воинских частей, которые могли бы выполнять стратегические или политические задачи. При этом, пограничники не были влиты формально в общую массу Вооруженных сил РСФСР. Межведомственное противостояние и разобщенность органов власти и силовых структур на местах усиливали межведомственные трения, вносили неразбериху и сумятицу в вопросы управления охраной государственной границы, что не способствовало установлению государственного порядка на границе.

Начавшаяся Гражданская война, экономическая и политическая изоляция Советской России послужили основанием для смещения приоритета в охране государственной границы с экономического на политический. Средствами достижения этого стали: централизация вопросов охраны государственной границы, повышение требовательности и личной политической ответственности руководителей на всех уровнях управления охраны границы. Изначальными требованиями государственной власти к пограничникам стали дисциплинированность и профессионализм.

Литература и источники:

1. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ) – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 394. – Л. 1 – 2.

2. РГАЭ – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 394. – Л. 1 – 2.
3. РГАЭ – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 45. – Л. 8 – 9 об.
4. РГАЭ – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 47. – Л. 11 – 12 об.
5. РГАЭ – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 393. – Л. 35
6. РГАЭ – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед.хр. 399. – Л. 145 – 145 об.
7. РГАЭ – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед.хр. 399. – Л. 253 – 253 об
8. РГАЭ – Ф. 413. – Оп. 8-лс. – Ед.хр. 4373. – Л. 13 – 13 об.
9. Государственный архив Российской Федерации – Известия ЦИК № 244 от 6 декабря 1917 г.
10. РГАЭ – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 399. – Л. 98.
11. РГАЭ – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 114. – Л. 80.
12. РГАЭ – Ф.413. – Оп. 14. – Ед. хр. 45. – Ед. Хр. 108.
13. РГАЭ – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 45. – Л. 88 об.
14. РГАЭ – Ф. 413. – Оп. 2. – Ед. хр. 45. – Л. 186.
15. РГАЭ – Ф. 413. – Оп. 2. – Ед. хр. 45. – Л. 145, 147 – 148.
16. РГАЭ – Ф. 413. – Оп. 14 . – Ед. хр. 400. – Л 42 – 43.
17. РГАЭ – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 392. – Л 46.
18. РГАЭ – Ф. 413. Оп. 14. Ед. хр. 398. – Л. 280.
19. РГАЭ – Ф. 413. – Оп. 14. – Ед. хр. 398. – Л. 20.